

Полилог/Polylogos. 2013-2022

ISSN 2587-7011

URL - <http://polylogos-journal.ru>

Все права защищены

№ 4 Том 6. 2022

Выходя за пределы «электорализма»: агонистическая демократия против перспективы постполитики

Летняков Денис Эдуардович

Институт философии РАН

Российская Федерация, 109240 Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Аннотация

В исследовательской литературе последних лет активно обсуждается проблема вырождения современной демократии в технократическую «постполитику». В статье анализируется один из возможных ответов на эту угрозу, предложенный теоретиками т.н. агонистической (соревновательной) модели демократии. Обращаясь к работам Ш. Муфф, У. Конноли, Дж. Талли и Д. Оуэна, автор показывает, в чем может состоять агонистическая альтернатива «электоралистскому» подходу к демократии, увязывающему последнюю, прежде всего, с проведением конкурентных выборов. Далее, рассматривая политические практики современных либеральных партий (главным образом – США), автор приходит к выводу о том, что они уже содержат в себе определенный агонистический элемент. Этот элемент, однако, необходимо развивать и усиливать для превращения политики в институционализированное пространство конфликта, что является необходимым условием существования всякой живой демократии.

Ключевые слова: демократия, агонистическая демократия, Ш. Муфф, либерализм, политическое, постполитика, технократия

Дата публикации: 28.12.2022

Ссылка для цитирования:

Летняков Д. Э. Выходя за пределы «электорализма»: агонистическая демократия против перспективы постполитики // Полилог/Polylogos. – 2022. – Т. 6. – № 4. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110023494-5-1/>. DOI: 10.18254/S258770110023494-5

2 В современной политической науке при определении демократии доминирующим остается электоральный подход. Для него главным критерием демократического режима является приход к власти политических лидеров через процедуру свободных, честных и конкурентных выборов. Важным истоком такого понимания демократии послужила работа Йозефа Шумпетера «Капитализм, социализм и демократия» (1942). В ней было предложено рассматривать последнюю как «институциональное устройство для принятия политических решений, в котором индивиды приобретают власть... путем конкурентной борьбы за голоса избирателей»¹. Такой «реалистичный» подход призван был, по мысли Шумпетера, с одной стороны, избавить понятие демократии от излишней эмоциональной нагрузки, даже сакрализации (в духе известной сентенции «глас народа – глас Божий»), поскольку показывал, что современная демократия оказывается в действительности *властью элит*, а не народа. С другой стороны, наличие/отсутствие возможности у народа выбирать, кто именно будет им руководить, должно служить внятным критерием для разграничения между демократиями и не-демократиями.

3 Именно эту концепцию «конкурентного элитизма» берет за основу один из самых авторитетных западных политологов второй половины XX в. Самуэль Хантингтон, анализируя т.н. «волны демократизации» в мире. В своем исследовании он прямо постулирует, что, «следуя традиции Шумпетера», готов считать ту или иную политическую систему демократической «в той мере, в какой лица, наделенные высшей властью принимать коллективные решения, отбираются путем честных, беспристрастных, периодических выборов»². Похожую картину дают и международные рейтинги демократии. Один из наиболее цитируемых среди них – “The Economist Intelligence Unit’s Democracy Index” – в качестве ключевого критерия демократии, наряду с «уважением базовых прав человека» и «равенством перед законом», называет «существование честных и свободных выборов»³. Авторы индекса “Polity V” также предлагают определять состоявшуюся демократию как режим, в котором политическое участие осуществляется открыто и на конкурентной основе, исполнительная власть *формируется через выборы*, а ее глава сталкивается в своей деятельности с существенными институциональными ограничениями⁴.

4 Действительно сложно спорить с тем, что электоральные процедуры остаются в современных полициях важным инструментом, обеспечивающим подотчетность правящих элит народу, а также эффективным способом обратной связи между обществом и властью. При этом вряд ли оправданно *сводить* демократию к выборам.

5 Одна из проблем заключается в том, что «электоралистский» подход не всегда позволяет четко разграничить между собой мир демократий и автократий (хотя сам Шумпетер был уверен в обратном). Авторитарные режимы давно научились приспособливать выборы, референдумы и прочие демократические процедуры для своих нужд. Успешную историю такой авторитарной мимикрии можно отсчитывать как минимум с Наполеона III, режим которого определяется некоторыми исследователями как плебисцитарный⁵. Де-факто установив режим личной власти вскоре после революции 1848 г., французский правитель тем не менее регулярно обращался к общенациональным плебисцитам. В 1851 г. он на референдуме продлил свои полномочия в качестве президента, спустя год – провозгласил себя императором (превратившись из Луи Бонапарта в Наполеона III), а в 1870 г. – утвердил пакет конституционных реформ. Демократия вообще была провозглашена идеологической основой бонапартистского режима, не случайно Франция тогда оставалась одной из двух европейских стран (наряду со Швейцарией) со всеобщим избирательным правом для мужчин, а сам Наполеон III именовал себя не иначе как «король-гражданин»⁶.

6 Сегодня же режимы, сочетающие, по словам Стивена Левитски и Люкана Вэя, «демократические правила с авторитарными методами управления»⁷, получили повсеместное распространение, поскольку в мире осталось не так много стран, лидеры которых могли бы позволить себе отказаться от демократической легитимации. Это породило массу политологической литературы о т.н. «гибридах» (в другой терминологии – режимах *электорального авторитаризма*), в которых задача удержания власти в руках одной правящей

группы сочетается с наличием альтернативных выборов, многопартийности, легальной оппозиции и т.д.⁸. Конечно, защитники шумпетерианского подхода могут на это возразить, что нетрудно увидеть принципиальную разницу между выборами, условно говоря, в Норвегии и Таджикистане с точки зрения прозрачности самой процедуры, степени ее соревновательности, равенства участников и пр. Но, во-первых, помимо обозначенных крайностей существует и немалое количество пограничных случаев (вроде Турции Р.Т. Эрдогана или Венгрии В. Орбана), в отношении которых оценки наблюдателей могут быть уже не столь однозначными. Во-вторых, всегда остается широкое поле для спекуляций по поводу того, насколько действительно свободными и честными были конкретные выборы. Скажем, в США в 2020 г. сторонники и противники Д. Трампа по-разному оценивали легитимность процедуры выборов президента – напомним, что митинги трампистов после оглашения итогов электоральной гонки шли под лозунгом «Остановите кражу» (“Stop the Steal”), а социологические опросы фиксировали, что лишь 20–25% республиканцев считают Дж. Байдена законно избранным президентом⁹.

7 Другим серьезным аргументом против «электоралистской» парадигмы может служить кризис основанной на ней либеральной демократии, который выражается в снижении доверия населения к политическим институтам, в сокращении среднего показателя явки на выборах¹⁰, в массовом разочаровании избирателей в традиционных партиях и усилении «электоральной волатильности», когда люди начинают голосовать ситуативно от выборов к выборам¹¹. Есть все основания связывать обозначенные тенденции с тем, что политическое участие в современных демократиях сводится, по большому счету, к регулярному походу граждан к избирательным урнам. Пассивная, зрительская роль, отводимая в этой ситуации народу, неизбежно ведет к отчуждению масс от политики, которая все меньше воспринимается как «общее дело». Сами же политические системы в такой ситуации имеют риск выродиться в технократии, управляемые профессиональными экспертами и менеджерами при минимальном контроле со стороны общества.

8 Сказанное побуждает авторов, размышляющих о проблемах демократии, пытаться так или иначе *выходить за пределы «электорализма»*. И здесь на помощь политической науке, слишком центрированной на анализе институтов, на способе осуществления власти, может прийти политическая теория, в гораздо большей степени склонная рассматривать демократию, по выражению Жака Рансьера, не как «набор учреждений» или «разновидность режима», но как «способ бытия политического»¹².

9 Данная статья представляет собой попытку реинтерпретации понятия демократии через обращение к т.н. «агонистическому» (соревновательному) подходу, который рассматривает в качестве ключевого критерия демократии наличие в обществе институционализированного пространства борьбы, противостояния, внутреннего конфликта. Текст построен следующим образом. В первой его части обсуждаются интеллектуальные корни агонистического подхода, теоретические построения ключевых авторов, относимых к этой парадигме (это Шанталь Муфф, Дэвид Оуэн, Джеймс Талли, Уильям Коннолли), а также некоторые практические выводы, вытекающие из предлагаемого ими понимания демократии. Во втором параграфе мы поговорим (главным образом на американском материале) о том, насколько современные либеральные демократии соответствуют агонистическому идеалу и что можно было бы сделать для их дальнейшего развития в этом направлении.

10 **Агонистический плюрализм: основные положения концепции**

11 Теория агонистической демократии возникла в самом конце XX в., вместе с тем истоки этого подхода могут быть обнаружены еще в классической политической философии, например в аристотелевском понимании политики как «общения» граждан по поводу общего блага. Аристотель не говорит прямо о конфликте как о том, что непосредственно конституирует сферу политического, однако само представление о полисе как о пространстве, в котором все общезначимые вопросы подлежат открытому обсуждению¹³, предполагает, что его участники могут оказываться в ситуации противостояния друг другу. Тем более что в древнегреческой культуре соревновательный элемент вообще был развит до

чрезвычайности – как писал Д. Грэбер, «это было общество, стремящееся из всего сделать публичное состязание: от занятий спортом до философии и театральной трагедии»¹⁴. О том, что полис регулярно превращался в место «сильнейшего и ожесточеннейшего спора», много писала и Ханна Арендт, для которой греческая агора была идеальной моделью политики как таковой¹⁵.

12 Думается, что в эту же протоагонистическую линию вписывается Никколо Макиавелли. В «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия» итальянский философ настаивал на продуктивности внутренних конфликтов в республике, поскольку они обеспечивают устойчивость государства, укрепляют «гражданскую свободу» и помогают создавать «хорошие законы»¹⁶. В интересующем нас контексте можно упомянуть и о Джеймсе Мэдисоне. В 10-м письме знаменитого «Федералиста» будущий 4-й президент США рассуждает о том, что «фракционность» (“faction”), т.е. разделение людей на группы в соответствии с разными интересами, ценностями и убеждениями, является неотъемлемой чертой любого общества¹⁷. Мэдисон считает фракционность злом, которое тем не менее можно устранить, лишь уничтожив свободу человека. Поэтому реалистичная задача состоит в конструировании такой политической системы, в которой ни одна из «фракций» не сможет получить явного преимущества, а конкурирующие общественные силы будут уравнивать друг друга. Это вполне коррелировало с целью, общей для всех отцов-основателей, – учредить государство, которое будет выполнять функции арбитра (“umpire”), нейтрального по отношению к разным общественным интересам. На идеи Мэдисона в дальнейшем опирались сторонники плюралистического подхода к демократии (Роберт Даль, Сеймур Липсет, Чарльз Линдблом). Они предлагали смотреть на общество как на состоящее из конфликтующих между собой групп интересов, предвосхитив отдельные положения агонистической теории¹⁸.

13 Если же от предтеч агонистической модели демократии переходить уже непосредственно к анализу последней, то главная фигура, о которой стоит упомянуть прежде всего, – это бельгийский политический философ Ш. Муфф. Уместно при этом отметить, что некоторые ее базовые идеи были первоначально представлены в совместной работе с Эрнесто Лаклау «Гегемония и социалистическая стратегия» (1985 г.)¹⁹, а в дальнейшем развивались Муфф уже в самостоятельных исследованиях.

14 В основе концептуальных построений Муфф лежит тезис о центральной роли конфликта в политике. В отличие от «технических» вопросов (вроде приемлемого размера бюджетного дефицита или стратегии развития дорожной сети в стране), которые вполне могут быть отданы на откуп экспертам, вопросы политические требуют от *всех граждан* выбора «*между конфликтующими альтернативами*» и *не могут быть разрешены путем рациональной дискуссии*²⁰. Едва ли приходится рассчитывать, что дебаты между сторонниками дерегулирования экономики и государства благосостояния или между “pro-life” и “pro-choice” активистами могут привести к тому, что одна из сторон откажется от своих убеждений. Политические разногласия носят мировоззренческий характер, они основаны на определенных убеждениях, на вере людей в какие-то ценности, а потому они не снимаются через предъявление оппонентам логически выверенных аргументов. Отсюда критика Муфф в адрес делиберативных теорий демократии, которые предполагают, что граждане могут прийти к консенсусу, выслушивая аргументы друг друга, беспристрастно оценивая их убедительность в ходе специально организованных процедур (делиберативных опросов, созыва гражданских ассамблей и т.д.)²¹. Любой общественный консенсус с точки зрения агонистической теории является навязанным, поскольку он возникает в результате гегемонии какого-то одного актора и основывается на исключении других социально-политических альтернатив («гегемонистских проектов»). Демократический социум по определению не может рассматриваться как такой, в котором решены фундаментальные вопросы и наступило царство всеобщей гармонии.

15 Итак, политические отношения всегда «потенциально конфликтные». Политика имеет дело с коллективными идентичностями, а последние формируются негативным образом – любое «мы-сообщество» конституируется в противоположность «им». Поэтому

ключевая задача политики состоит не в устранении конфликта, но в его «приручении», в сглаживании антагонизма между противниками с тем, чтобы взаимное противостояние не разрушило саму социальную ткань. Иными словами, речь идет о создании такого различия между «мы» и «они», которое было бы совместимо с плюралистической демократией²². Муфф называет это *трансформацией антагонизма в агонизм*. Для этого конфликт должен быть переформатирован так, чтобы его участники воспринимали друг друга не как врагов, которых надо уничтожить, а как соперников (“adversaries”), которым они противостоят, признавая легитимность их требований, их право на свою точку зрения и на ее защиту в публичном пространстве. Несмотря на все разногласия, с соперниками нас объединяет приверженность общим «этико-политическим принципам демократии» и чувство принадлежности к одной «политической ассоциации».

16 Для иллюстрации этой мысли Муфф ссылается на фрагмент книги Элиаса Канетти «Массы и власть», в которой тот анализирует принцип функционирования парламентской демократии. Канетти отмечает, что проигравшая в ходе борьбы за какой-то законопроект партия принимает свое поражение вовсе не потому что согласна, будто победило в итоге более мудрое и правильное решение. Нет, проигравшие остаются до конца уверенными в собственной правоте, но они *вынуждены* признать свое поражение, потому что у них оказалось меньше ресурсов, влияния, общественной поддержки. В политическом процессе, замечает Канетти, *действует такой же принцип, как и на войне*, – «одна воля против другой воли» (“will against will”), просто используются *другие методы*. В этом смысле демократия – это не «очередной этап эволюции человечества», на котором люди переходят к спокойному, взвешенному обсуждению всех общественных разногласий, но всего лишь набор институтов, с помощью которых противостояние помещается в цивилизованные рамки, становится некровавым и в известной степени управляемым²³. В политике, таким образом, остается место эмоциям, страстям, однако они имеют не разрушительный, но созидательный характер, работая на оживление общественных дискуссий, превращая «агонистическую конфронтацию» в «само условие существования демократии»²⁴.

17 В рамках предложенной Муфф конструкции получается, что единственно возможный консенсус в плюралистически устроенном обществе – это т.н. «*конфликтный консенсус*», предполагающий согласие всех по поводу правил игры и самых базовых ценностей. Согласие относительно правил игры означает, что либералы и социалисты, прогрессисты и защитники «традиционной» семьи, верующие и атеисты, сторонники и противники абортов, оппонируя друг другу, готовы использовать только «конвенциональные» методы борьбы, принятые в демократическом обществе (кампании общественного давления, лоббизм, акции протеста, участие в выборах, продвижение собственной повестки в медиа и т.д.). Что касается базовых ценностей, то Муфф рассматривает в качестве таковых свободу и равенство. Все участники агонистического противостояния стоят на том, что свобода лучше, чем несвобода, а люди равны между собой. При этом либералы могут делать акцент на равенстве возможностей, а левые – отстаивать равенство условий. Обозначенные элементы конфликтного консенсуса позволяют отличить соперников от персонажей вроде А. Брейвика, Д. Руфа или исламских террористов – все они оказываются в категории врагов, поскольку не желают признавать фундаментальные этико-политические принципы сообщества.

18 Здесь нетрудно увидеть развитие идей Карла Шмитта с его характеристикой политики как сферы, определяемой отношениями «друг–враг». Муфф не устраивает холизм Шмитта, его отказ признать внутренний плюрализм демократической политики, при этом она считает немецкого мыслителя, вероятно, самым глубоким критиком либерализма с его чересчур индивидуалистическим пониманием политики. Показательно, что Муфф в какой-то момент выступила редактором сборника статей левых интеллектуалов (С. Жижека, П. Херста и др.), объединенных мыслью о том, что идеи Шмитта, несмотря на всю их спорность (и неоднозначный моральный облик автора), необходимо изучать и обсуждать. Заранее отрекшись от принадлежности к «левому шмиттианству», участники сборника тем не менее призывали думать о перспективах и проблемах либеральной демократии «со Шмиттом и против Шмитта»²⁵.

19 Помимо Муффа в агонистическую парадигму можно включить также философов Д. Оуэна, Дж. Талли и У. Коннолли. Мэри Пэкстон, автор обстоятельного исследования, посвященного агонистической модели демократии, полагает, что при всей разности своих концептуальных построений названные теоретики разделяют, так или иначе, три базовые идеи²⁶:

20 1. *Ценность политического противостояния (“political contestation”).*

Как уже отмечалось, демократический порядок отличается от авторитарного тем, что он не подавляет конфликт, но признает и институционализирует его. При этом для агонистов политическое противостояние *само по себе* имеет высокую ценность, пробуждая соревновательный дух, вовлекая людей в процесс обсуждения общего блага, возвращая бытию человека его гражданское измерение.

21 Скажем, для Оуэна, который выводит свою версию агонизма из философии Фридриха Ницше, преимущества демократии заключаются вовсе не в том, что она чаще автократий обеспечивает принятие правильных решений. Во-первых, демократии тоже могут ошибаться, во-вторых, «правильное/неправильное», «хорошее/плохое» нередко оказывается вопросом трактовки: повышение налогов – это плохо или хорошо? а легализация однополых браков? а закрытие в стране всех АЭС в рамках «зеленого перехода»? Истинная ценность демократии, говорит Оуэн, состоит в том, что она дает возможность людям вступать в «ничем не ограниченный (“open-ended”) агонистический процесс диалога»²⁷, руководствуясь при этом *собственными представлениями* о плохом и хорошем, действуя в соответствии со своими убеждениями.

22 Для того чтобы сделать агонистический диалог по-настоящему плюралистичным и не допустить маргинализации миноритарных позиций, интересов и точек зрения, Талли предлагает руководствоваться принципом “*audi alteram partem*” (дословно: «выслушай другую сторону»). Суть его заключается в предоставлении права голоса в публичных дискуссиях всем, в т.ч. акторам, которые ранее были исключены из них, занимали в обществе положение субалтерна²⁸. Всем участникам дебатов важно при этом не пытаться монополизировать истину, не рассматривать свою позицию как единственно рациональную, универсальную.

23 Коннолли, в свою очередь, рассуждает о выработке в обществе этоса «агонистического уважения» (“*agonistic respect*”) и «критической чуткости» (“*critical responsiveness*”). «Агонистическое уважение» противопоставляется здесь идее толерантности. Разница между ними довольно тонкая, она заключается в том, что толерантность – это пассивное принятие Другого, основанное на либеральной идее негативной свободы: вы не трогаете меня, а я не вмешиваюсь в вашу жизнь. Это позиция сознательного нейтралитета в публичном пространстве, почти равнодушия (“*passive letting the other be*”, как формулирует суть толерантности сам Коннолли). Тогда как агонистическое уважение предполагает, что мы не просто готовы *терпеть* инаковость рядом с нами, но вступаем с ее носителями в спор, пытаемся их переубедить, уважая при этом другую позицию²⁹. Разумеется, предметом дискуссий не может стать сексуальная ориентация или религиозная аффилиация как таковая, но агонистический диалог между верующим и агностиком относительно «видимости» религиозных символов в публичном пространстве вполне можно себе представить; как и, например, спор о возможности усыновления детей однополыми парами. А установка на «критическую чуткость» требует, чтобы граждане внимательно прислушивались к аргументам тех, с кем они не согласны по каким-то вопросам, и одновременно осуществляли рефлексивную над собственными убеждениями, осознавая, что они тоже уязвимы для критики, всегда страдают неполнотой и ограниченностью. Плюрализм и открытость к дискуссиям Коннолли рассматривает как антидот от фундаментализма, трактуя последний как «отказ признать оспариваемость ваших собственных базовых принципов» (“*contestability of your own fundaments*”), чреватый ростом враждебности и поляризации в обществе³⁰.

24 1. *Идея «контингентности» (ситуативности, непредзаданности) социального порядка, которая означает, что любой общественный консенсус, любой статус-кво*

может рассматриваться как временный, открытый для оспаривания.

Конечно, как отмечает Эрнесто Лаклау, «по-настоящему демократическое общество невозможно без тех или иных проявлений универсализма – например, идеи прав человека»³¹. Муфф, как мы помним, тоже предлагает положить в основу плюралистической демократии ценности свободы и равенства. Вместе с тем *важно, чтобы любой мировоззренческий принцип, идея, позиция* (особенно если они претендуют на статус общеразделяемых) *подвергались критической рефлексии и оспариванию*, иначе они могут работать как репрессивные по отношению к остальным. Именно так и происходит, когда какой-то институт (церкви, сильного государства и пр.) провозглашается «неотъемлемой частью нашего исторического наследия», «основой национальной идентичности» или некая ценность постулируется в качестве «нейтральной», а поэтому принимаемой всеми по умолчанию – М. Пэкстон обращает внимание, что этот прием используется, например, в ходе дебатов об абортах, когда каждая из сторон стремится представить в качестве базового, универсального принципа тот, к которому сама же и апеллирует: право на жизнь (нерожденного ребенка) или право (женщины) распоряжаться собственным телом³².

25 1. *Взаимосвязь (“interdependency”) членов политической ассоциации, формируемая через процесс агонистического соревнования.*

С точки зрения агонистического подхода социальное единство и солидарность граждан складываются не на основе разделяемых всеми ценностей, но через включенность людей в политическое участие и публичные дискуссии. Как отмечает Оуэн, «сохранение» (“maintenance”) политических сообществ обеспечивается «не наличием общих перспектив [их членов], но... процессом борьбы [этих перспектив] между собой»³³. О «чувстве принадлежности к политической ассоциации», которое формируется через «свободное агонистическое» участие в гражданской жизни, рассуждает Талли³⁴.

26 *Идея солидарности между людьми, находящимися в противостоянии друг другу, может в первом приближении показаться парадоксальной. Она, однако, основывается на том факте, что ни одно общество не представляет собой сколько-нибудь прочного мировоззренческого, идеологического, ценностного единства. Люди всегда расколоты по очень многим позициям. Что объединяет религиозных правых и либералов в Америке, сторонников кемализма и исламистов в Турции, «западников» и «самобытников» в России? Ответ заключается в том, что общество конституируется как целостность не единомыслием, но общим – и при этом специфическим только для данного социума – пространством дискуссий. Американское общество имеет свой набор узловых вопросов, от противостояния консервативных христиан и либералов до расовых проблем (из России человеку, не включенному в американскую повестку, может казаться удивительным, что вопрос об абортах или рабстве и его историческом наследии сохраняет такую остроту в начале XXI в.); Турция, в свою очередь, разделена дискуссиями о принадлежности этой страны к Европе³⁵, о кемалистском наследии, о месте религии в жизни общества; облик российской культуры во многом определен непрекращающимися дебатами о цивилизационной идентичности России, о феномене сталинизма и т.д. Можно ли ожидать, что в обозримой перспективе россияне смогут прийти к сколько-нибудь прочному консенсусу относительно фигуры Сталина или Горбачева или о том, является ли Россия европейской страной? Конечно, нет. Все эти споры продолжаются десятилетиями (а то и столетиями) и будут идти дальше, формируя собственно российское пространство дискуссий.*

27 По словам К. Лефора, политика «всегда предполагает определенные отношения между людьми, направляемые требованием ответить на вопросы, поставленные общей судьбой»³⁶. Вот это чувство *общей судьбы* и лежит в основе солидарности между согражданами, несмотря на то, что они зачастую дают разные ответы на ключевые вопросы.

28 **Либеральные демократии и агонистический идеал**

29 Агонистическая демократия рассматривается ее протагонистами как альтернатива демократии либеральной, тем не менее речь идет скорее о том, чтобы «оживить и углубить»

последнюю (говоря словами Ш. Муфф), нежели о попытке предложить принципиально иной политический дизайн. Поэтому, разобрав саму концепцию агонистического плюрализма, попробуем теперь оценить, в какой мере существующие «шумпетерианские» демократии соответствуют описанной модели институционализированного конфликта, а в какой – нуждаются в определенных изменениях.

30 С одной стороны, можно констатировать, что либеральные политические системы, построенные на модели «конкурентного элитизма», все же содержат в себе определенный агональный элемент, который позволяет разным акторам вовлекаться в политическое противостояние по общезначимым вопросам. Хорошим примером тут могут служить т.н. «культурные войны» в США, другими словами, конфликт между носителями консервативных и прогрессистских ценностей.

31 Стремительные изменения в американском обществе, связанные с сексуальной революцией, с борьбой за права женщин и разного рода меньшинств, с антивоенным движением на фоне Вьетнамской войны, привели к формированию в стране прогрессистского лагеря, представителям которого удалось одержать с начала 1960-х гг. ряд впечатляющих побед. В 1963 г. Верховный Суд США, апеллируя к Первой поправке, запретил обязательные молитвы в школах, через 10 лет легализовал аборты, позднее отдельные штаты начали декриминализировать однополые отношения. Все это стало фактором мобилизации консервативных кругов Америки, воспринимавших происходящее как моральную катастрофу, разрушение традиционной семьи и привычного уклада жизни. Если для предыдущего поколения американских правых воплощением абсолютного зла был коммунизм, то примерно с конца 1960-х гг. его место постепенно занимает идеология «сексуального освобождения» во всех его проявлениях, от феминизма до равноправия для гомосексуалов³⁷.

32 Борьба развернулась, в частности, вокруг принятия поправки в Конституцию США, запрещающую дискриминацию по половому признаку (Equal Right Amendment, сокращ. – ERA). Для того чтобы быть принятой, ERA должна была получить одобрение в 3/4 законодательных собраниях штатов. Ее ратификацию активно продвигали феминистские организации, воспринимавшие поправку как «вторую Американскую революцию». Крупнейшей из них стала Национальная организация женщин во главе с Б. Фридан, насчитывавшая на пике 220 тыс. членов, а также зонтичная структура “ERAmerica”, которая включала в себя около 120 различных ассоциаций (профсоюзов, политических клубов и т.д.). В ответ стало формироваться низовое консервативное движение, опиравшееся во многом на религиозные комьюнити – католические, евангелические, иудейские. Самым ярким лидером этого лагеря стала Ф. Шлафли, возглавившая общественную кампанию “Stop ERA”. Помимо этого возник целый куст женских консервативных организаций с антифеминистской повесткой: Национальная федерация женщин-республиканок (National Federation of Republican Women), Дочери Американской революции (Daughters of the American Revolution), Национальный совет женщин-католичек (National Council of Catholic Women) и т.д. И феминистки, и антифеминистки организовывали митинги и марши, писали письма своим конгрессменам и членам законодательных собраний штатов, требуя поддержать/отклонить поправку, проводили публичные дебаты³⁸. В итоге за поправку проголосовало 35 штатов из необходимых 38. ERA так и не была принята. Легализация абортов в 1973 г. также повлекла со собой появление множества организаций с консервативной повесткой, вроде Национального комитета за право на жизнь (National Right to Life Committee). Аборт, превратившись в главный символ упадка традиционной семьи и моральных ценностей, стал важнейшей темой, объединившей консервативные круги Америки.

33 Для целей нашего исследования важно отметить, что и консерваторы, и прогрессисты в США имеют свободный и в целом равный доступ к тому, что можно назвать инфраструктурой коллективного действия.

34 Во-первых, это медиаресурсы. Несмотря на регулярные жалобы правых на «либеральный уклон» (liberal bias) в американских медиа³⁹, представители консервативного лагеря имеют возможность продвигать собственную повестку в СМИ и влиять на

общественное мнение. Своя передача на радио много лет была у Ф. Шлафли и у известного баптистского проповедника Дж. Фалуэлла, сооснователя фундаменталистского движения «Моральное большинство». Фалуэлл с конца 1960-х гг. вел также проповеди по телевидению, регулярными зрителями которых были свыше 20 млн человек. Правоконсервативный деятель П. Робертсон и вовсе создал целую медиаимперию под названием «Христианская сеть вещания» (Cristian Broadcasting Network), включающую в себя телеканалы и радиостанции с внушительной аудиторией (например, у кабельного «Семейного канала» она составляла около 63 млн человек). Всего же к концу 1970-х гг. сеть религиозных медиа включала в себя около 30 телеканалов и более 1000 радиостанций⁴⁰. В этом же контексте нельзя не вспомнить и про телеканал Fox News, главный рупор политического консерватизма сегодня. Свой набор СМИ – от телеканала CNN до газеты “The New York Times” – есть в распоряжении либерального лагеря. Все это не позволяет говорить о гегемонии какой-то одной точки зрения в публичном пространстве.

35 Во-вторых, это институты, позволяющие самоорганизовываться, осуществлять мобилизацию сторонников, собирать финансовые средства, инициировать законодательные изменения. И прогрессисты, и консерваторы в США с самого начала формировали множество политических клубов и движений, активно занимались фандрайзингом, пропагандировали свои взгляды среди сограждан самыми разными методами – от обхода соседей по принципу «от двери к двери» (т.н. “door-knocking”) до агитационных поездок по стране. В 1977 г. после принятия в округе Дейд (Флорида) постановления, запрещающего дискриминацию в сфере работы и найма жилья по принципу сексуальной ориентации, консервативная организация «Спасите наших детей» добилась проведения местного референдума по этому вопросу. В итоге 69% проголосовавших высказались за отмену антидискриминационных мер. Аналогичные референдумы проводились также в Миннесоте, Канзасе, Орегоне, штате Вашингтон. Также и сегодня, после решения Верховного Суда США, который летом 2022 г. передал вопрос аборт на субфедеральный уровень, целый ряд штатов решили вынести на референдум пункт о законодательном запрете прерывания беременности (правда, первая попытка “pro-life” активистов оказалась неудачной – в Канзасе около 60% пришедших на участки высказались за сохранение права на аборт).

36 В условиях электоральной демократии политики не могут находиться в стороне от «культурных войн», они вынуждены определиться со своей позицией и искать поддержки либо консерваторов, либо либералов. Сторонники ERA в свое время опирались на содействие президента Дж. Форда, с другой стороны, Р. Рейган пришел к власти как кандидат консервативной коалиции, который обещал не только дерегулирование экономики, но и, например, восстановление обязательной молитвы в школах. Позднее, в 1988 г. протестантский фундаменталист П. Робертсон пытался сам выдвинуться в президенты от Республиканской партии, но проиграл праймериз. Тем не менее религиозные правые стали в настоящий момент важной частью электората республиканцев, с которой так или иначе приходится считаться. Предвыборное обещание Д. Трампа в случае своего прихода к власти повлиять на пересмотр решения Верховного Суда от 1973 г. о легализации абортов было ориентировано именно на эту публику. В свою очередь соперница Трампа в 2016 г. Х. Клинтон, ища поддержки прогрессистов, обещала в случае своей победы отменить т.н. «поправку Хайда», ограничивающую использование федеральных средств для финансирования абортов.

37 Коль скоро существование институционализованного пространства конфликта позволяет говорить о том, что в либеральных демократиях политика все-таки не сводится к шумпетерианскому «голосованию за лидеров», нам остается ответить на последний вопрос: чего же не хватает этим странам для более последовательного и полного воплощения в жизнь агонистической модели политического?

38 Прежде всего, современным либеральным обществам не всегда удается трансформировать антагонизм в агонизм, подразумевающий уважение к оппоненту и признание легитимности его требований и стремлений. Так, «культурные войны» в США привели к высокой степени поляризации общества, к взаимной нетерпимости представителей разных лагерей. В глазах правых прогрессисты предстают «разрушителями семьи»,

«деконструкционистами» (термин С. Хантингтона), раскалывающими своей мультикультурной идеологией единую американскую нацию. С другой стороны, консерваторы зачастую видятся их оппонентами как мракобесы, белые супремасисты, мизогины. Более того, в ходе «культурных войн» иногда используются и откровенно неконвенциональные методы борьбы. С начала 1980-х гг. в США наблюдается рост насильственных действий со стороны “pro-life” активистов – десятки случаев взрывов и поджогов клиник, в которых делают аборты, а также нападений на работающих там врачей⁴¹. Взаимная отчужденность характерна также для трампистов и антитрампистов⁴², не случайно после победы Трампа на президентских выборах 78% демократов полагали, что на их итоги повлияло вмешательство России⁴³. С другой стороны, как отмечалось в начале статьи, значительная часть трампистов не смогла принять проигрыш своего лидера четырьмя годами позже, обвинив демократов в краже голосов. Впервые за много десятилетий легитимность процедуры президентских выборов в США была поставлена под сомнение значительной частью общества. Логично, что и протесты 2020 г., связанные с движением “Black Lives Matter”, рассматривались их сторонниками и противниками не как борьба за интерпретацию *общей для всех* американской истории, а как конфликт с нулевой суммой, где победить могут либо «леваки» и «погромщики», либо «расисты» и «белые супремасисты».

39 Показателем растущей поляризации Америки является также то, что все меньшему числу американцев комфортно обсуждать политику с людьми, которые не разделяют их взгляды. Если в 2016 г. такого рода разговоры называли «тяжелыми и разочаровывающими» (stressful and frustrating) 46% респондентов, то в 2018 г. уже 53% (среди демократов таковых и вовсе стало 57%). Видимо, этим же объясняется и тот факт, что американцы предпочитают заводить друзей среди тех, кто придерживается схожих с ними политических взглядов⁴⁴. Все это означает, что вместо агонистического диалога люди склонны все больше замыкаться в своем «информационном пузыре».

40 Похожая проблема глубокого общественного раскола существует и в Великобритании, где после «Брекзита» много говорят о возникновении двух политических идентичностей – сторонников выхода страны из ЕС (“Brexiters/Leavers”) и их оппонентов (“Remainers”). Опросы показывают, что первые и вторые не только по-разному воспринимают одни и те же общественно-политические события в стране, но и склонны формировать взаимные негативные стереотипы (вроде мнения о том, что все сторонники «Брекзита» – расисты)⁴⁵.

41 Думается, что широкое распространение в западных обществах т.н. «культуры отмены» тоже несет в себе угрозу агонистическому идеалу и принципу “audi alteram partem”. Культура отмены предполагает остракизм в отношении нарушителей социальных норм, принятых в том или ином сообществе. Например, это касается людей, использующих «язык ненависти». Кэнселлинг в отношении публичных персон может включать в себя общественный бойкот, разрыв рекламных контрактов, деплатформинг (блокировка/удаление аккаунта из социальных сетей). На практике, однако, бывает не так просто провести грань между наказанием за несоблюдение политической корректности и настоящей цензурой. В итоге вместо содержательной дискуссии по всем вопросам, имеющим общественное значение, мы получаем фактический запрет на обсуждение *под разным углом* многих острых тем (миграция, расизм, гендерное равноправие и т.д.), что лишь усиливает сегрегацию сторонников противоположных политических взглядов⁴⁶. Тогда как агонистический идеал требует выработки политической культуры, нацеленной на контакт с противоположающейся стороной, в ходе которого ваши собственные аргументы могут быть проверены в открытом споре.

42 И последнее по порядку, но не по значению. Агонистическая модель Ш. Муфф предполагает возможность и даже необходимость для граждан самоидентификации с разными «гегемонистскими проектами» (либеральным, социал-демократическим, консервативным), однако тенденции последних десятилетий в партийной политике западных демократий вовсе не благоприятствуют такой конкуренции социально-политических альтернатив. Напротив, общим трендом становится то, что сама Муфф называла торжеством

политики «центристского консенсуса»: вместо принципиального противостояния левых и правых, которое так или иначе определяло политику в последние 200 лет, мы видим, что лейбористы и консерваторы в Великобритании или блок ХДС/ХСС и СДПГ в Германии по целому ряду вопросов остаются слабо отличимыми друг от друга в глазах избирателей, европейские социал-демократические партии все чаще стремятся определять себя как «левоцентристов»⁴⁷; параллельно на партийном поле начинают возникать зонтичные партии вообще без внятной идеологии (“catch-all-parties”), вроде партии «Вперед, Италия!» С. Берлускони. Для Муфф такой вариант «конца идеологии», следствием которого становится неолиберальная гегемония и редукция политики к скучной дискуссии о том, какой должна быть ставка подоходного налога, равнозначна отмене политики как таковой и переходу общества в состояние «пост-» или даже «анти-политики»⁴⁸. Соответственно по-настоящему плюралистическая демократия невозможна без возвращения гражданам возможности выбора между альтернативными социальными проектами, конкурирующими образами будущего, без оживления идеологического конфликта между левыми и правыми. Тем более что сами избиратели такой запрос регулярно предъявляют, что выражается хотя бы в неожиданном успехе политиков вроде Д. Трампа и Б. Сандерса в США или Дж. Корбина в Британии.

43 **Заключение**

44 В статье была сделана попытка, говоря о демократии, сместить акцент с электоральных процедур на существование в обществе институционализованного пространства конфликта. С этой точки зрения демократия определяется не только наличием процедуры честных и конкурентных выборов, но и тем, в какой степени в обществе сохраняется конфликтных дух, проявляется агонистическое соревнование между людьми, которое проистекает из того, что все мы склонны давать разные ответы на ключевые вопросы совместного бытия – от места религии в публичной сфере до величины налоговых ставок. Как отмечала Х. Арндт, политика – это и есть пространство борьбы, где сталкиваются между собой разные жизненные перспективы, представления об общем благе. Поэтому любая «попытка взять [этот] плюрализм под контроль всегда равнозначна попытке вообще отменить публичность»⁴⁹.

45 Вступая в политическое противостояние по поводу общезначимых вопросов, формируя на этой почве коллективные идентичности («либералы», «консерваторы», «секуляристы» и пр.), люди выходят за пределы своего частного существования, превращаются в граждан. В этом смысле развитие агонистической составляющей современных политий может рассматриваться как одна из возможностей обновить либерально-демократический проект, избежать опасности его вырождения в технократию, т.е. общество, управляемое экспертами. Последнее обстоятельство представляется принципиально важным, ведь идея демократии, собственно говоря, и основана на отказе людей передоверять кому-либо решение собственной участи.

Примечания:

1. Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2008. С. 667.
2. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX в. М.: РОССПЭН, 2003. С. 17.
3. Democracy Index 2019. [Электронный ресурс]. URL: [>>>>](https://www.eiu.com/en/products/eui/eui2019/) (дата обращения: 14.09.2022).
4. Marshall M.G., Gurr T.R. POLITY5 Political Regime Characteristics and Transitions, 1800–2018 Dataset Users' Manual. P. 15. [Электронный ресурс]. URL: [>>>>](https://www.polityproject.org/doc/faq). (дата обращения: 14.09.2022).
5. Юдин Г.Б. Россия как плебеситарная демократия // Социологическое обозрение. 2021. Т. 20. № 2. С. 14.
6. Уварова М. Коронованная демократия. Франция и реформы Наполеона III в 1860-е гг. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. С. 96–97.
7. Levitsky S., Way L. The Rise of Competitive Authoritarianism // Journal of Democracy. 2002. No. 2 (13). P. 59.
8. Schedler A. Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition, Boulder: Lynne Rienner Publishers,

2006.

9. Nomans Ch. How 'Stop the Steal' Captured the American Right // The New York Time Magazine. 19.07.22. [Электронный ресурс]. URL: >>>> (дата обращения: 08.09.2022).
10. Замеры «Евробарометра» показывают, что в ряде европейских стран в последние годы до 2/3 опрошенных не доверяют базовым политическим институтам вроде парламента и политических партий; средняя явка на выборах в европейских странах сократилась с 1960-х гг. с 85 до 77%. Такие цифры на первый взгляд совсем не выглядят драматически низкими, тем не менее важен не текущий показатель, а тренд, который остается нисходящим. Подробнее см.: Рейбрук Д. Против выборов. М.: Ад Маргинем, 2018. С. 11–17.
11. В сегодняшней Британии лишь 9% респондентов имеют «очень сильную» идентификацию с той или иной партией – в 1960-х гг. таковых было около 50%. См.: Duffy B., Hewlett K., McCrae J., Hall J. Divided Britain? Polarisation and Fragmentation Trends in UK. Sept., 2019. [Электронный ресурс]. URL: >>>>. P. 7 (дата обращения: 23.10.2022).
12. Рансьер Ж. Несогласие. Политика и философия. СПб.: Machina, 2013. С. 141.
13. Одной из главных свобод афинского гражданина была свобода публичного высказывания – т.н. «исегория». См.: Бузескул В.П. История Афинской демократии. СПб.: МЦ «Гуманитарная Академия», 2003. С. 206.
14. Грэбер Д. Фрагменты анархистской антропологии. М.: Радикальная теория и практика, 2014. С. 76–77.
15. Арент Х. Vita active, или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000. С. 55, 263.
16. Макьявелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма. М.: НФ «Пушкинская библиотека»; Изд-во АСТ, 2004. С. 149–151.
17. The Federalist, 10 // Hamilton A., Madison J., Jay J. The Federalist Papers. Oxford; NY: Oxford University Press, 2008. P. 50.
18. Cunningham F. Theories of Democracy. A Critical Introduction. L.; NY: Routledge, 2002. P. 73–100.
19. В этой работе авторы, в частности, высказывают мысль о том, что левые не должны отказываться от либерально-демократической идеологии и базовых институтов либеральной демократии. Задача левых состоит в том, чтобы «углубить и расширить [либерально-демократическую идеологию] в направлении радикальной и плюралистической демократии». Понятия «свобода» и «равенство», составляющие ядро «либерального дискурса», должны стать предметом оспаривания со стороны разных политических сил, которые могут их реинтерпретировать определенным образом. Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. L.; NY: Verso, 1987. P. 176.
20. Mouffe Ch. On the Political. L.; NY: Routledge, 2005. P. 10.
21. Хабермас Ю. Что такое «делиберативная политика»? // Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001. С. 381–415; Ackerman B., Fishkin J. Deliberation Day. New Haven; L.: Yale University Press, 2004; Debating Deliberative Democracy / Ed. by J.S. Fishkin and P. Laslett. Oxford: Blackwell Publ., 2003.
22. Mouffe Ch. Deliberative Democracy or Agonistic Pluralism? // Social Research. 1999. No. 3 (66). P. 752–756.
23. Mouffe Ch. On the Political. P. 21–23.
24. Mouffe Ch. Deliberative Democracy or Agonistic Pluralism? // Social Research. 1999. Vol. 66. No. 3. P. 755–756. Муфф замечает, что если люди не имеют возможности формировать коллективные *политические* идентичности, на первый план будут неизбежно выходить религиозные, этнические, расовые лояльности, что грозит подъемом фундаментализма, этнически мотивированного национализма, нативизма и пр.
25. The Challenge of Carl Schmitt / Ed. by Ch. Mouffe. L.; NY: Verso, 1999. P. 5–6.
26. Paxton M. Agonistic Democracy. Rethinking Political Institutions in Pluralist Times. L.; NY: Routledge, 2020. P. 12.
27. Owen D. Nietzsche, Politics and Modernity. A Critique of Liberal Reason. London: Sage Publications, 1995. P. 161.
28. Tully J. The Agonic Freedom of Citizens // Economy and Society. 1999. No. 2 (28). P. 174.
29. Connolly W.E. Neuropolitics. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2002. P. 155–156.
30. Connolly W.E. The Ethos of Pluralization. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1995. Borderlines: Vol. 1. P. xv–xxiv, xxviii.
31. Лаклау Э. Сообщество и его парадоксы: либеральная утопия Ричарда Рорти // Логос. 2004. № 6 (45). С. 114.
32. Paxton M. Agonistic Democracy. P. 5.
33. Owen D. Nietzsche, Politics and Modernity. London: Sage Publications, 1995. P. 146.

34. Tully J. The Agonic Freedom of Citizens // *Economy and Society*. 1999. No. 2 (28). P. 170–171.
35. Nas Ç. Turkish Identity and the Perception of Europe // *Marmara Journal of European Studies*. 2001. No. 1 (9). P. 177–189.
36. Лефор К. Политические очерки (XIX–XX века). М.: РОССПЭН, 2000. С. 69.
37. Petchesky R.P. Antiabortion, Antifeminism, and the Rise of the New Right // *Feminist Studies*. 1981. No. 7 (2).
38. Crichtlow D.T. Phyllis Schlafly and Grassroots Conservatism. A Woman's Crusade. Princeton; Oxford. Princeton University Press, 2005.
39. Groseclose T. Left Turn: How Liberal Media Bias Distorts the American Mind. St. Martin's Press, 2012.
40. Сокольщик Л.М. Социальный консерватизм в США (вторая половина XX–XXI в.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Пермь, 2016. С. 60–61.
41. Этим занималась, в частности, христианская террористическая организация «Армия Бога», образованная в 1982 г.
42. Показательна характеристика электората Трампа как «жалкого сборища (basket of deplorables) расистов, сексистов, гомофобов, исламофобов», данная кандидатом от демократов Х. Клинтон во время президентской кампании. Позже Клинтон была вынуждена извиниться, тем не менее это высказывание хорошо передает общую атмосферу тех выборов. См.: Reilly K. Read Hillary Clinton's 'Basket of Deplorables' Remarks About Donald Trump Supporters // *Time*. 10.09.2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://time.com/4486502/hillary-clinton-basket-of-deplorables-transcript/> (дата обращения: 10.11.2022).
43. Nomans Ch. How 'Stop the Steal' Captured the American Right // *The New York Time Magazine*. 19.07.22. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2022/07/19/us/politics/stop-the-steal.html> (дата обращения: 10.11.2022).
44. Duffy B., Hewlett K., McCrae J., Hall J. Divided Britain? Polarisation and Fragmentation Trends in UK. Sept., 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/news/health-51888888>. P. 44–45 (дата обращения: 10.11.2022).
45. Ibid. P. 8.
46. Подробнее о дискуссиях вокруг «культуры отмены» см.: Norris P. Closed Minds? Is a 'Cancel Culture' Stifling Academic Freedom and Intellectual Debate in Political Science? Faculty Research Working Paper Series // [HKS Working Paper No. RWP20-025](https://www.hks.harvard.edu/faculty-research-working-papers). URL: <https://www.hks.harvard.edu/faculty-research-working-papers>.
47. «Новый лейборизм» Т. Блэра (премьер-министр Великобритании с 1997 по 2007 гг.) предполагал сознательное смещение лейбористской партии, социал-демократической по своим изначальным установкам, в сторону центра, выбор «третьего пути» между либерализмом и традиционной социал-демократией.
48. Mouffe Ch. On the Political. L.; NY: Routledge, 2005. P. 2, 34.
49. Арент Х. Vita active, или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000. С. 292.

Библиография:

1. Арент Х. Vita active, или о деятельной жизни. СПб: Алетейя, 2000.
2. Бузескул В.П. История Афинской демократии. СПб: МЦ «Гуманитарная Академия», 2003.
3. Грэбер Д. Фрагменты анархистской антропологии. М.: Радикальная теория и практика, 2014.
4. Лаклау Э. Сообщество и его парадоксы: либеральная утопия Ричарда Рорти // *Логос*. 2004. №6(45). С. 100-115.
5. Лефор К. Политические очерки (XIX-XX века). М.: РОССПЭН, 2000.
6. Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // *Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма*. М.: НФ «Пушкинская библиотека»; Изд-во АСТ, 2004. С. 136-468.
7. Сокольщик Л.М. Социальный консерватизм в США (вторая половина XX-XXI в.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Пермь, 2016.

8. Рансьер Ж. Несогласие. Политика и философия. СПб: Machina, 2013.
9. Рейбрук Д. Против выборов. М.: Ад Маргинем, 2018.
10. Уварова М. Коронованная демократия. Франция и реформы Наполеона III в 1860-е гг. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.
11. Хабермас Ю. Что такое «делиберативная политика»? // Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб: Наука, 2001. С. 381-415.
12. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX в. М.: РОССПЭН, 2003.
13. Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2008.
14. Юдин Г.Б. Россия как плебеситарная демократия // Социологическое обозрение. 2021. Т. 20. №2. С. 9-47.
15. Ackerman B., Fishkin J. Deliberation Day. New Haven; London: Yale University Press, 2004.
16. Connolly W.E. The Ethos of Pluralization. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1995.
17. Connolly W.E. Neuropolitics. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2002.
18. Critchlow D.T. Phyllis Schlafly and Grassroots Conservatism. A Woman's Crusade. Princeton; Oxford. Princeton University Press, 2005.
19. Groseclose T. Left Turn: How Liberal Media Bias Distorts the American Mind. St. Martin's Press, 2012.
20. Cunningham F. Theories of Democracy. A Critical Introduction. L.; NY: Routledge. 2002.
21. Duffy B., Hewlett K., McCrae J., Hall J. Divided Britain? Polarisation and Fragmentation Trends in UK. Sept., 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kcl.ac.uk/policy-institute/assets/divided-britain.pdf>. P. 7. (дата обращения: 14.09.2022).
22. Fishkin J.S., Laslett P. (eds.) Debating Deliberative Democracy. Oxford: Blackwell Publ., 2003.
23. Hamilton A., Madison J., Jay J. The Federalist Papers. Oxford; NY: Oxford University Press, 2008.
24. Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. L.; NY: Verso, 1987.
25. Levitsky, S. and Way, L.(2002), The Rise of Competitive Authoritarianism, Journal of Democracy, no. 2 (13), Pp. 51–65.
26. Marshall M.G., Gurr T.R. POLITY5 Political Regime Characteristics and Transitions, 1800-2018. Dataset Users' Manual. P. 15. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.systemicpeace.org/inscr/p5manualv2018.pdf>. (дата обращения: 14.09.2022).
27. Mouffe Ch. Deliberative Democracy or Agonistic Pluralism? // Social Research. 1999. No. 3 (66). P. 752-756.
28. Mouffe Ch. On the Political. L.; NY: Routledge, 2005.
29. Mouffe Ch. (ed.) The Challenge of Carl Schmitt. L.; NY: Verso, 1999.

30. Nas Ç. Turkish Identity and the Perception of Europe // Marmara Journal of European Studies. 2001. No. 1(9). P. 177-189.
31. Norris P. Closed Minds? Is a 'Cancel Culture' Stifling Academic Freedom and Intellectual Debate in Political Science? Faculty Research Working Paper Series. HKS Working Paper No. RWP20-025. [Электронный ресурс]. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3671026 (дата обращения: 10.11.2022).
32. Owen D. Nietzsche, Politics and Modernity. A Critique of Liberal Reason. London: Sage Publications, 1995.
33. Paxton M. Agonistic Democracy. Rethinking Political Institutions in Pluralist Times. L.-NY: Routledge, 2020.
34. Petchesky R.P. Antiabortion, Antifeminism, and the Rise of the New Right // Feminist Studies. 1981. No. 7(2).
35. Schedler A. Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2006.
36. Tully J. The Agonic Freedom of Citizens. Economy and Society. 1999. No. 2(28). P. 161–182.

Going Beyond "Electoralism": Agonistic Democracy Versus a Post-politics Perspective

Denis Letnyakov

RAS Institute of Philosophy

12/1 Goncharnaya Str., 109240 Moscow, Russian Federation

Abstract

In the research literature of recent years, the problem of the degeneration of modern democracy into a technocratic "post-politics", has been actively discussed. The article analyzes one of the possible answers to this threat, proposed by the theorists of the so-called agonistic (competitive) model of democracy. Referring to the works of Ch. Mouffe, W. Connolly, J. Tully and D. Owen, the author shows what can be an agonistic alternative to the "electoralist" approach to democracy (linking the latter, first of all, with the holding of competitive elections). Further, considering the political practices of modern liberal polities (mainly the USA), the author comes to the conclusion that they already contain a certain agonistic element. This element, however, needs to be developed and strengthened in order to transform politics into an institutionalized space of conflict, which is a necessary condition for the existence of any living democracy.

Keywords: democracy, agonistic democracy, Ch. Mouffe, liberalism, political, postpolitics, technocracy

Date of publication: 28.12.2022

Citation link:

Letnyakov D. Going Beyond "Electoralism": Agonistic Democracy Versus a Post-politics Perspective // Polylogos. – 2022. – V. 6. – № 4. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110023494-5-1/>. DOI: 10.18254/S258770110023494-5

Код пользователя: 0; Дата выгрузки: 28.12.2022; URL - <http://polylogos-journal.ru/s258770110023494-5-1/> Все права защищены.